

И. И. ДМИТРИЕВ И В. В. ИЗМАЙЛОВ

А. Ю. Соловьев

Хотя отдельные аспекты отношений И. И. Дмитриева и В. В. Измайлова¹ несколько раз становились предметом внимания исследователей², целиком материал не собирался и не подвергался концептуальному осмыслению. Настоящая статья также не может претендовать на построение целостной истории взаимодействия двух писателей, прежде всего в силу малого количества и неравномерного распределения сведений об их литературных связях. В то же время эта тема выходит за пределы биографического исследования и напрямую соотносится с историко-литературной проблемой судьбы и наследия русского сентиментализма.

Дмитриев и Измайлов принадлежали к разным поколениям, но обоих можно условно отнести к «старшим карамзинистам», которые, не представляя собой неформального объединения (в отличие от «младших», которые образовали Дружеское литературное общество и Арзамас), составляли все же некоторое единство. Проявилось это, прежде всего, в принципах литературного поведения, остававшихся неизменными на протяжении всей их деятельности. Исследование литературных отношений между ними позволяет не столько взглянуть на литературный процесс конца XVIII – нача-

---

¹ Владимир Васильевич Измайлов (1773–1830) – писатель-сентименталист, переводчик, педагог. Известен как автор повести «Ростовское озеро» (1795) и «Путешествия в полуденную Россию» (1800–1802), издатель журналов «Патриот» (1804), «Вестник Европы» (в 1814), «Российский музеум» (1815) и альманаха «Литературный музеум на 1827 год» (1827). См. о нем: *Лобанова Л. П.* Измайлов Владимир Васильевич // *Русские писатели 1800–1917*. М., 1992. Т. 2. С. 408–409.

² Как правило, в связи с публикацией писем Дмитриева к Измайлову (см. коммент. В. Э. Вацура в: *Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980. С. 437–458).

ла XIX века со стороны «побежденных учителей»³, сколько добавить штрихи к портрету формации писателей, переживших период актуальности своего направления и оставшихся чужими в обстановке 1820–1830-х годов. По меткому выражению Дмитриева, это были «крохи поколения, уже отпечтеного новыми журналами»⁴.

Наиболее богатый материал для раскрытия обозначенной темы представляют опубликованные письма Дмитриева Измайлову⁵. Относящиеся в основном к 1820-м годам, когда оба практически отошли от литературной деятельности, эти письма тем не менее отражают большинство известных эпизодов истории их отношений. Комментируя дмитриевские письма Измайлову, В. Э. Вацуро справедливо отмечал, что они «стоят особняком среди всего эпистолярного наследия» писателя⁶. Их особое положение исследователь видел в почти полном отсутствии публицистического пафоса, черт манифеста, деклараций. В то время как, по словам Вацуро, «почти все литературные письма его <Дмитриева> к единомышленникам в 1810–1830-е гг. носят в той или иной степени программный характер»⁷, письма Измайлову такого оттенка лишены. Это в своей основе дружеские письма, не рассчитанные, впрочем, в отличие от дружеского письма арзамасского круга, «на широкого читателя» и не имеющие такой сложной структуры сочетания «домашнего материала с литературным»⁸. Темы их – приглашение в гости, специфические книжные новости (присылка книг, обсуждение новинок), известия о Н. М. Карамзине и хлопоты Дмитриева об Измайлове. Все острые вопросы оставлялись, видимо, Дмитриевым для личного общения, и не в переписке нужно искать следы позиции, какую избрал для себя Дмитриев в 1820-е годы и которая объединяла его с Измайловым.

---

³ Восходящий к известной надписи В. А. Жуковского образ, использованный В. Э. Вацуро в книге «Лирика пушкинской поры. Элегическая школа» (СПб., 1994. С. 6).

⁴ *Дмитриев И. И.* Сочинения : в 2 т. / Ред. и примеч. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 300 (письмо от 20 апреля 1830 года Н. Д. Иванчину-Писареву).

⁵ Письмо И. И. Дмитриева к В. В. Измайлову от 27 сентября 1827 / Публ. и коммент. М. Д. Беляева // Радуга : альманах Пушкинского Дома. Пг., 1922. С. 68–83; *Дмитриев И. И.* [Письма] / Публ. В. Э. Вацуро // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 416–458. Письма Измайлова Дмитриеву не сохранились.

⁶ Письма русских писателей XVIII века. С. 441.

⁷ Там же. С. 443

⁸ *Степанов Н. Л.* Дружеское письмо начала XIX в. // «Младоформалисты» : Русская проза. СПб., 2007. С. 41. (1-е изд.: Русская проза XIX века. Л., 1926).

Новое обращение к автографам позволяет сделать два небольших наблюдения, касающихся камерности переписки. Так, одно из писем Измайлову первоначально было подписано: «Его высокоблагородию, милостивому государю моему Николаю Михайловичу Карамзину»⁹. Потом имя адресата было зачеркнуто, но небрежно оформленное письмо все равно отправлено. Еще одно из писем написано поперек листа¹⁰. Вместе эти два случая свидетельствуют о легком, беглом характере писем Дмитриева Измайлову, многие из которых представляют собой не столько письма, сколько записки. Сложно сказать, в какой мере в них проявляется личность писателя сквозь пресловутый «мундир», в котором, по словам П. А. Вяземского, Дмитриев писал свои воспоминания, но описанные детали подтверждают выводы Вацура о том, что эта переписка была продолжением беседы старых знакомых.

Знакомство Дмитриева с Измайловым, видимо, следует отнести к началу XIX века. Во всяком случае, Измайлов был тогда среди литераторов, вхожих в дом Дмитриева¹¹. При этом уже в 1799 году Карамзин писал Дмитриеву в Петербург о готовившемся Измайловым издании «Путешествия в полуденную Россию» и обещал прислать ему экземпляр¹². Исполнил ли Карамзин свое обещание, неизвестно. В составе библиотеки Дмитриевых в МГУ хранится несколько экземпляров измайловского «Путешествия...», но это экземпляры переизданий 1802 и 1805 годов¹³. На авантитуле одного из них сразу две надписи: И. И. и М. А. Дмитриевых. Судя по ним, Дмитриев купил два тома третьего издания «Путешествия...» в июне 1812-го, а уже 19 августа того же года они оказались у его племянника (видимо, в качестве подарка)¹⁴.

В 1810 году Александром I была отмечена педагогическая деятельность Измайлова: ему был пожалован перстень, о чем Дмитриев взялся сообщить награжденному в частном письме¹⁵. Однако это письмо было опуб-

⁹ Письмо от 7 августа 1825 г. (РО ИРЛИ. Р I. Оп. 6. Ед. хр. 48. Л. 11 об.).

¹⁰ Письмо б/д, датируется 1820-ми годами (там же. Л. 39).

¹¹ См. мемуарное свидетельство самого Дмитриева во «Взгляде на мою жизнь», относящееся к периоду жизни в Москве в 1799–1802 годы после отставки: «Одиночество мое оживлялось довольно часто беседою и молодых писателей: Василия Львовича Пушкина; Владимира Васильевича Измайлова и Василия Андреевича Жуковского» (*Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь // И. И. Дмитриев. Сочинения ... Т. 2. С. 56*).

¹² *Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 113.*

¹³ Шифры: Дм. 9672; Дм. 3214; Дм. 1431–1432.

¹⁴ Шифры: Дм. 1431–1432.

¹⁵ Фрагмент письма см.: *Дмитриев И. И. Сочинения ... Т. 2. С. 214.*

ликовано с подачи Измайлова в «Московских ведомостях» (1811. № 3. С. 76), что вызвало неудовольствие Дмитриева, так что Карамзину пришлось брать на себя роль посредника в их примирении: «...распрошу его обо всем, и на первой почте дам тебе отчет»¹⁶. Как был улажен этот конфликт, неизвестно, но на дальнейшие отношения писателей он никак не повлиял. Постепенно они приобретают характер патронажа.

В 1824 году, с мая по ноябрь, Карамзин по просьбе Дмитриева ходатайствовал перед императором о пенсии для Измайлова в размере 1200 рублей. Возможно, это дело не затянулось бы надолго, если бы министром народного просвещения в это время не был назначен А. С. Шишков. Карамзин стремился «соблюсти формы», по его собственному выражению. Собираясь подавать прошение министру, он небезосновательно рассчитывал на успех, но в итоге ему пришлось подать записку с ходатайством Александру I лично. Однако после вручения записки она была перенаправлена графом А. А. Аракчеевым Шишкову. Последний отозвался об Измайлове сдержанно, а об идее помощи нуждающимся литераторам в обход его, министра, крайне негативно: «...хотя г. Измайлов и упражнялся в некоторых сочинениях и переводах, но отнюдь не больше и не отличное многих других, а потому дать ему пенсию было бы обидно для прочих. В подобных случаях, то есть в наградах по словесности, нужно, кажется, чтоб, для соблюдения порядка и беспристрастия, представления о том не были делаемы мимо меня, тем больше, что и сам я иначе представлять не осмелюсь, как по оценке трудов писателя в Российской академии и в правлении училищ. Иным образом таковые награды могут, вместо снискания их достоинством, быть получаемы чрез выпрашивание и угождение»¹⁷. Хотя Карамзин сделал все возможное, чтобы придать делу официальный статус, по Шишкову выходило, что он, Карамзин, имея доступ к императору и опасаясь препятствования со стороны нового министра, прибегнул к приватному обращению, «выпрашивал и угождал». Но Карамзин вовсе не предполагал вмешательства Шишкова: в письмах Дмитриеву он писал только о неизвестности и о том, что указ, может быть, затерялся, не говоря ни слова о возможном противодействии. Вероятно, Карамзин так и не узнал о причинах задержки:

---

¹⁶ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 138.

¹⁷ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2 : Записки (1824–1826). С. 180–181. Другие отзывы Шишкова об Измайлове неизвестны. Нет причин видеть в этом конфликте следы оттремевших литературных споров начала века, вероятно, министр был просто задет игнорированием его положения.

сообщая Дмитриеву об успешном завершении дела, он говорил о «каком-то недоразумении», из-за которого указ «оставался под спудом»¹⁸.

Роль Дмитриева в присуждении Измайлову пенсии была не очень большой: он был инициатором, а все основные хлопоты взял на себя Карамзин. Поэтому Дмитриев и не сообщал ничего своему протезе о ходе дела, но обещал «показать <...> всю мою переписку о пансионе»¹⁹ при встрече. Попечение о нуждающихся литераторах было одной из постоянных забот Дмитриева. Так, просьба к А. И. Тургеневу о содействии приношению книги П. И. Шаликова императору интересна прежде всего своей мотивировкой: «Подкрепить силы нуждающегося автора есть, право, дело самое доброе: он по званию своему обязан всегда воскрыляться духом, питать в себе возвышенные чувства и скрывать свою бедность...»²⁰

Осенью 1825 года Дмитриев рекомендовал Измайлова как переводчика Н. А. Полевому, начавшему издавать «Московский телеграф», однако Полевой не проявил заинтересованности в услугах Измайлова, а вскоре и начал проявлять настороженность по отношению к нему.

В августе 1826 года, когда появилась новость об образовании нового цензурного комитета при Московском университете, Измайлов был первым, кого Дмитриев увидел кандидатом на должность цензора; он взялся свести его с попечителем Московского университета А. А. Писаревым²¹ и ходатайствовал за него вплоть до назначения Измайлова осенью 1827 года цензором (в этой должности он оставался до конца жизни).

Дмитриев покровительствовал Измайлову, принимая деятельное участие в поощрении его трудов при жизни, но продолжил свое заступничество и после смерти последнего. Дочь Измайлова после кончины отца передала Дмитриеву бумаги писателя, содержавшие неопубликованные произведения. 13 января 1831 года Дмитриев с уверенностью писал Вяземскому о предполагавшейся им публикации: «Вчера была у меня дочь покойного Измайлова и вверила мне все рукописи отцовские. Надеюсь найти в них много достойного для помещения в журналах»²². Скорее всего, речь идет о воспоминаниях и об «Истории просвещения в Европе», трудах, которые не были завершены Измайловым (см. ниже). В постскриптуме, добавленном в

---

¹⁸ Карамзин Н. М. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву ... С. 383 (письмо от 6 ноября 1824 года).

¹⁹ Письма русских писателей XVIII века. С. 426.

²⁰ Там же. С. 223.

²¹ Там же. С. 430.

²² Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому 1810–1836 гг. СПб., 1898. С. 46.

тот же день и отразившем впечатления от бесед с издателями, Дмитриев был настроен уже пессимистично: «Хорошо было бы, любезнейший князь, если бы в "Литературной газете" поразговорились об наших просвещенных печатальщиках или издателях и в укор им дали знать, что ни один из московских ни за что не хотел взять оставшиеся сочинения Измайлова, отзываясь, что на него нет моды. Хвала петербургским: там и Хвостов попал в моду»²³. Несмотря на раздраженный тон приписки, в ней нет, однако, предложения поместить в «Литературной газете» что-либо из измайловского наследия. Ни считавшийся безупречным вкус Дмитриева, ни память о представителях его литературного поколения не были достаточными критериями актуальности для современных журналов, и сам Дмитриев это уже понимал.

На страницах «Литературной газеты» к тому времени был опубликован некролог Измайлову (о нем речь пойдет дальше), но «укора печатальщикам» там не появилось, и попытки Дмитриева устроить измайловские рукописи также закончились безрезультатно. В 1832 году они еще не были опубликованы, о чем сообщает Н. Д. Иванчин-Писарев, выражая, видимо, общее мнение их круга: «Незадолго пред кончиною своею, он (Измайлов. – А. С.) сказывал одному приятелю, что, к несчастью его, болезнь препятствует ему докончить начатое им сочинение: "Историю Просвещения в Европе", и свои "Записки". Желательно, чтобы некогда они были известны публике»²⁴. Дальнейшее местонахождение незавершенных произведений Измайлова неизвестно.

Для Дмитриева выполнение поручения дочери Измайлова было важно не только как дань памяти своему многолетнему протеже и корреспонденту. Сама смерть Измайлова осмыслялась им в контексте положения дел в русской словесности: он противопоставлял деятельность покойного идеологии московских журналов.

Вскоре после смерти Измайлова Дмитриев инициировал написание его некролога. За статью взялся Н. Д. Иванчин-Писарев, использовавший, по-видимому, какие-то заметки П. А. Вяземского. При этом Дмитриев надеялся, что Вяземский сам напишет некролог, рассчитывая на его критическую манеру рассматривать творчество конкретного автора не изолирован-

---

²³ Там же. С. 46–47.

²⁴ *Иванчин-Писарев Н. Д.* О Владимире Васильевиче Измайлове // Отечественная галерея, с прибавлением некоторых других сочинений Николая Иванчина-Писарева. Ч. 1. М., 1832. С. 174.

но, а в контексте «своих общих воззрений на литературу»²⁵: «Иванчин-Писарев в деревне: я послал к нему выписку из вашего письма; но для чего бы вам самим не заняться некрологией Измайлова и не почтить этим прах истинно благородного писателя. Тут бы вам был случай поговорить и об нынешнем ходе нашей словесности и ее представителях Полевым и Ушакове, и об их стремящем Сергее Глинке. Эта борзая тройка, действительно, по словам первого, далеко ушла от Ломоносова с Карамзиным и мчится прямо в даль безумных. Тут вы мимоходом могли бы сказать, что большая часть нынешних авторов, за устарением языка и слога Карамзина, начали *прислушиваться* к языку застойной и лабазов»²⁶. Дмитриев, очевидно, предполагал, что Вяземский смог бы выразить осуждение современным авторам, и в первую очередь журналам.

Однако просьба Дмитриева не нашла отклика ни у Вяземского, ни у Иванчина-Писарева, который и стал автором некролога. В статье, опубликованной в «Литературной газете»²⁷, а затем в издании сочинений Иванчина-Писарева²⁸, утверждались заслуги Измайлова перед русской словесностью и снимались обвинения в подражательности Карамзину, но не содержалось следов полемики с «торговым направлением». Только внимательным и пристрастным читателем она могла быть прочитана как немой упрек господствующему «направлению»: «Надменность, эгоизм и корыстолюбие, сии болезни нашего века, сделали весьма редким пример истинного литератора; но таковым был Измайлов – и друзья просвещения сохранят постоянное уважение к его памяти. <...> Остается указать нашим новым Аристархам на его критику, здравую, водимую изящным вкусом, знанием и прямоту; в которой дышит одно стремление к пользе и успехам просвещения; которой чуждо всякое суетное домогательство и всякая личность»²⁹.

В целом некролог близок позиции Дмитриева, хотя и не так отчетливо ее выражает³⁰. Что касается Вяземского, то ему предложение Дмитриева, видимо, было неинтересно. Носитель иного мировоззрения, он и не должен

²⁵ Гиллельсон М. И. [Комментарии] // Вяземский П. А. Собрание сочинений : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 317.

²⁶ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому ... С. 43–44. Курсив Дмитриева.

²⁷ Литературная газета. 1830. № 66. Т. 2. С. 424.

²⁸ Иванчин-Писарев Н. Д. О Владимире Васильевиче Измайлове ... С. 166–175.

²⁹ Там же. С. 166, 174.

³⁰ См. об этом некрологе: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 152–153, 177–178.

был считать актуальным поводом для выступления кончину автора, целиком оставшегося в предшествовавшей эпохе. Напротив того, для писателей круга Карамзина – Дмитриева это было частью «авторского» кодекса чести.

Измайлов придавал огромное значение нравственному облику писателя и вслед за Карамзиным связывал его с содержанием творчества³¹. Практический филантропизм, защита репутации и писательского труда составляли неотъемлемую часть его собственно литературной деятельности, что проявилось в ряде его печатных выступлений. В 1805–1806 годах в нескольких журналах появились заметки Измайлова о «пиратском» издании переведенной им книги Л.-Ф. Сегюра «Картина Европы», осуждавшие такого рода издания и обещавшие публикацию исправленного перевода³². Защищая своего коллегу по цензурному комитету С. Н. Глинку в конфликте с М. Т. Каченовским, обиженным на пропущенные тем высказывания в «Московском телеграфе», порочащие, по мнению Каченовского, его честь, Измайлов высказал мнение, что внимание цензора не должно быть обращено на литературную полемику³³.

В исследовательской литературе об Измайлове встречаются утверждения, что его позиция цензора и издателя опережала свое время в области уважения к работе писателя³⁴. Это мнение восходит к А. С. Пушкину, сочувственно отозвавшемуся на защиту Измайловым Глинки от Каченовского. Однако более приближенной к правде кажется точка зрения, согласно которой принципы, которыми руководствовался Измайлов, были чужды следующему поколению писателей³⁵ и казались им устаревшими вместе со всей карамзинской эпохой.

В свою очередь карамзинистами атмосфера игры воспринималась как атмосфера вражды, смертельной схватки противоборствующих сторон. Дмитриев, не чуждавшийся эпиграммы и пародии (но только когда объект

---

³¹ Ср. статьи Карамзина «Что нужно автору» (1794; *Карамзин Н. М. Избранные сочинения* : в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 120–122) и Измайлова «Взгляд на истинное достоинство писателя» (*Труды общества любителей российской словесности*. 1818. Ч. 10. Кн. 15. С. 46–53).

³² См.: *Северный вестник*. 1805. Ч. 4. № X. С. 94–95; *Вестник Европы*. 1806. Ч. XXIX. № 17. С. 56–59.

³³ См. об этой ситуации: *Сухомлинов М. И. Полемические статьи Пушкина // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению*. СПб., 1889. С. 264–266.

³⁴ *Прохорова И. Е.* 1) В. В. Измайлов-цензор: регулирование литературно-журнального процесса // *Вестник Московского университета*. (Серия 10, Журналистика). М., 1998. № 4. С. 9–22; 2) С. Е. Раич, П. А. Вяземский и авторское право // *Творчество писателей-орловцев в истории мировой литературы*. Орел, 2004. С. 12–14.

³⁵ *Комарда Т. Г.* От чувствительного философа к философу резвому: издания Владимира Измайлова // *Вестник молодых ученых. Филологические науки*. СПб., 2001. № 6. С. 32–36.

был смешон – он не использовал это оружие против критиков), предпочитал оставаться «над схваткой» и в 1800-е годы, и в 1820-е, вдохновляя на подвиги младшее поколение и не вмешиваясь в борьбу. Любопытно отметить акцент в мотивировке, сопровождающей его просьбы к корреспондентам обрушиться на критиков «Истории государства Российского». Он просит защитить Карамзина, а не нанести удар по его противникам (см. в письме к Вяземскому: «Они (В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков. – А. С.) не имели вашей энергии подать *по-авторски* явно свой голос в пользу первого нашего автора; они оробели восстать на его оскорбителя, а не критика»³⁶. Просил Дмитриев защиты и для себя. Будучи обеспокоен публикацией не принадлежавшей ему статьи за подписью «Ив. Дм», он писал Вяземскому в 1834 году: «Нельзя ли, любезнейший князь, довести о том до сведения С. С. Уварова и сказать к очистке моей слова два о том в “Литературных Прибавлениях к Инвалиду”?»³⁷

Таким образом, Дмитриев придавал большое значение посмертному воздаянию справедливости Измайлову не только в силу личной привязанности к писателю и не столько из-за литературных достоинств его произведений (о которых он вообще молчал), но вследствие того, что литературную деятельность обоих определяли одни и те же базовые принципы, сформировавшиеся в 1790-е годы в среде близких Карамзину литераторов и служившие опознавательным знаком «для своих» внутри этой группы. Обозначенный комплекс представлений во многом отразился и в отношениях Дмитриева и Измайлова. В их основе лежал взаимный интерес, обусловленный общими вкусами и общим пониманием стоящих перед литературой задач и проблем ее развития.

Прямых влияний Дмитриева или заимствований у него в произведениях Измайлова немного. Неоднократно отмечалась зависимость отзыва Измайлова в «Патриоте» на пьесу Н. И. Ильина «Великодушие, или Рекрутский набор» от театральных взглядов Дмитриева, высказанных им в статье «О русских комедиях» (1802)³⁸. В переложениях басен Флориана, сделан-

---

³⁶ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому ... С. 29. Курсив Дмитриева. Теми же причинами вызвано и появление статьи Измайлова в «Северных цветах» в защиту Карамзина: это была не полемика с критиками, а борьба за репутацию: «...не должно молчать, как некогда молчал Карамзин, но говорить за него, за честь таланта, за справедливость дела» (*Измайлов В. В.* О новой журнальной критике // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 63).

³⁷ Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому ... С. 62.

³⁸ *Кряжмская И. А.* Из истории русской театральной критики // XVIII век : сб. 4. М.; Л., 1959. С. 222–225; *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 100–101.

ных Измайловым, выделялась общая ориентация на дмитриевские басни (сам выбор автора также свидетельствует о ней)³⁹. Для полноценного сопоставления творчества двух писателей в целом этого явно недостаточно. В то же время их сотрудничество представляет несомненный интерес.

В 1827 году, в пору расцвета альманахов, вышел «Литературный музей на 1827 год, Владимира Измайлова», ставший одним из тех изданий, в которых «напору торгашеского бесчестия литераторы бросили вызов, смыкаясь в круг либо единомышленников, либо друзей»⁴⁰. В нем приняли участие Е. А. Боратынский, П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка, В. А. Жуковский, Н. Д. Иванчин-Писарев, А. С. и В. Л. Пушкины, О. М. Сомов и другие литераторы. Значительная часть переписки Измайлова относится к договоренностям о сотрудничестве в альманахе. Даже авторы, первоначально отказавшиеся от предложения Измайлова, сославшись на отсутствие пригодных материалов, все же опубликовались в «Музее...» из уважения к «ветерану словесности» (как назвался в предисловии Измайлов)⁴¹. К такому относится и Дмитриев.

В «Музее...» опубликовано его стихотворение «В. В. И.», обращенное к Измайлову, а также ответ Измайлова «И. И. Д., в ответ на его стихи». Оба стихотворения обыгрывают одни и те же мотивы старости, смерти, славы и посмертного бытия. При этом центральной фигурой в них оказывается Карамзин. Дмитриев пишет о дружеском состязании с ним и ожидании загробной встречи, а Измайлов делает акцент на творческом бессмертии обоих, которых объединяет, таким образом, и прижизненная дружба, и посмертная слава:

Как виден и поэт, и друг в порыве жарком
Души, исполненной уныньем дум святых!
Согретый теплотою их,
Сам, кажется, твой друг парит к тебе из гроба;
И Слава говорит: «Они бессмертны оба!»⁴²

Эта стихотворная переписка, расположенная почти в самом конце альманаха, подводит итог целому ряду материалов, связанных с именами

³⁹ Степанов В. П. [Комментарии] // Русская басня XVIII–XIX вв. Л., 1977. С. 603.

⁴⁰ Коровин В. И. «Представители нашей словесности» // Русские альманахи : Страницы прозы / Сост., автор вступ. ст. и примеч. В. И. Коровин. М., 1989. С. 5.

⁴¹ Литературный музей на 1827 год, Владимира Измайлова. М., 1827. С. 2 (ненум.) (Ценз. разрешение выдано 28 декабря 1826 года).

⁴² Там же. С. 318–319.

Карамзина и Дмитриева. Их расположение призвано подчеркнуть первенствующую роль этих писателей на «русском Парнасе». Открывающая альманах программная статья Измайлова «Краткое обозрение 1826 года»⁴³ (ориентированная на традицию «Вестника Европы», то есть объединившая политические и литературные события, за что Измайлова будет критиковать М. П. Погодин⁴⁴) начинает литературный обзор с крайне сочувственного отзыва о дмитриевских «Апологах в четверостишиях», а заканчивает упоминанием о смерти Карамзина. Далее идут два «приношения» Иванчина-Писарева: в прозе Карамзину («Речь в память историографу Российской империи»⁴⁵) и в стихах Дмитриеву («При чтении книги под названием “Апологи в четверостишиях”»⁴⁶). В конце альманаха был помещен отрывок из письма Карамзина Дмитриеву⁴⁷ и упоминавшаяся стихотворная переписка⁴⁸. Нет сомнений в том, что альманах был задуман (и стал таковым) как посмертная дань уважения Карамзину со стороны части его окружения и как прижизненный памятник Дмитриеву⁴⁹.

В свою очередь для Дмитриева появление «Музеума...» было важно в связи с поисками им «своего» издания. Активно публиковавшийся у Карамзина, он увидел в альманахе Измайлова усвоенный тем карамзинский тип журналистики. Поддержка им «Музеума...» как начинания вполне вписывается в этот контекст⁵⁰.

В заключение нужно отметить, что, по-видимому, ни Измайлов для Дмитриева, ни Дмитриев для Измайлова не были ключевыми собеседниками даже во второй половине 1820-х годов, когда их сближали и возраст, и мироощущение. В перспективе интересно рассмотреть разнообразные свя-

---

⁴³ Литературный музей ... С. 3–46.

⁴⁴ Московский вестник. 1827. Ч. 3. № 11. С. 275.

⁴⁵ Литературный музей ... С. 61–148.

⁴⁶ Там же. С. 161. «Апологи...» вовсе не были единодушно приняты критикой. Измайлов же и ранее восторженно отзывался о Дмитриеве в печати, например в очерке «Московский бродяга», опубликованном в «Вестнике Европы» (1814. № 16 (август). С. 301–316).

⁴⁷ Литературный музей ... С. 312–316.

⁴⁸ На последнем ударном месте оказалась все же «Испанская песня» А. С. Пушкина с нотами для исполнения. Факт любопытен как угождением вкусам публики, так и почтением, с которым относился к Пушкину его первый издатель (См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 170–171).

⁴⁹ См. об этом также в статье А. С. Бодровой в настоящем сборнике.

⁵⁰ Дмитриев поддержал намерение Измайлова продолжать «Музеум...» на следующий год, однако распоряжение его начальства по цензурному ведомству наложило запрет на осуществление этих планов.

зи внутри московского карамзинского круга писателей, «вышедших в отставку» с началом новой эпохи в литературе. Однако исследование даже такого небольшого эпизода, как отношения Измайлова и Дмитриева, позволяет отметить, что они и на позднем этапе были не доживавшими свой век одиночками, а неким «литеральным собратством»⁵¹, внутри которого шла своя, небезынтересная для изучения, жизнь.

---

⁵¹ Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч. 4. М., 1802. С. 198.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИВАН ИВАНОВИЧ ДМИТРИЕВ (1760–1837)
ЖИЗНЬ. ТВОРЧЕСТВО. КРУГ ОБЩЕНИЯ

Чтения Отдела русской литературы XVIII века

Выпуск 6

Санкт-Петербург

2010

УДК 882(09)

ББК 83

В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова [Чтения Отдела русской литературы XVIII века. Выпуск 6]. – СПб., 2010. – 244 с.: ил.

Редакционный совет серии:

член-корр. РАН В. В. Окрепилов (*председатель*),
член-корр. РАН В. Е. Багно, член-корр. РАН И. И. Елисеева,
к. и. н. Е. А. Иванова (*ученый секретарь*), академик Н. Н. Казанский,
д. филос. н. Э. И. Колчинский, академик А. В. Лавров, д. п. н. В. П. Леонов,
член-корр. РАН И. П. Медведев, д. и. н. В. Н. Плешков,
академик И. М. Стеблин-Каменский

Редакторы сборника:

А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-14065 г)*

ISBN 978-5-86763-246-5

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2010

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2010